

ГАЛИНА АЛЕКСАНДРОВА

...И ПОГЛЯДИМ, КАК СМЕРТНЫЙ БОЙ КИПИТ

(К 85-летию Анатолия ЛАНЩИКОВА)

*Паче всего люби родную
русскую литературу.*

М. Е. Салтыков-Щедрин.
“Из завещания сыну”

Бывает порой так: уходит из жизни известный писатель, о котором много и хорошо говорили при жизни, остались его книги, друзья, почитатели, а лицо писателя стремительно уходит из памяти потомков, и всё, что связано с ним, безвозвратно погружается в небытие. А бывает и по-другому: и книг не так уж много осталось, и друзья рассеялись ещё на исходе жизни, а лицо писателя проступает всё явственнее и призывнее на фоне наступившего, неожиданно уродливо извернувшегося времени.

Таким увидели мы Анатолия Петровича Ланщикова, прочитав “Избранное” его произведений, которое подготовили к изданию и выпустили в свет его ученики С. С. Куняев и А. М. Разумихин (М., “Алгоритм”, 2012). Составители книги на титульный лист вынесли в качестве её названия очень важную фразу: “О чём безмолвствует народ”, предлагая читателю задуматься над тем, о чём не хотят теперь ни думать, ни говорить в нашем “освободившемся от диктата” обществе. Так, во главу угла издания встала проблема, в своё время серьёзно занимавшая общественное внимание. В частности, задела за живое яркая публицистическая статья “О чём безмолвствует народ” известного литературного критика, поставившего перед обществом этот сакраментальный вопрос. Теперь, открывая его новую книгу, читаем во вступлении краткое представление писателя современному читателю: “Анатолий Петрович Ланщиков (1929–2007) был одним из наиболее читаемых литературных критиков в 60–90-е годы XX века. С течением времени могло показаться, что те споры отбушевали и ушли в прошлое. Но перечитывая сейчас работы Ланщикова, видишь, насколько в годы так называемого “застоя” и нового перелома русского хребта люди мыслили масштабнее и точнее, чем в нынешнее неустойчивое, отдающее гнилью время. Насколько слово Ланщикова, касалось ли оно Чернышевского и Толстого или его живых современников – Астафьева, Рубцова, Жигулина, – вскрывало жгучие вопросы современности и было обращено с точным прогнозом в будущее. Это первая посмертная книга критика, его “избранное”, которое, надеемся, встретит своего вдумчивого и неравнодушного читателя”.

В этой статье мы не ставим перед собой задачу подвергать анализу работу составителей, безусловно, заслуживающего серьёзного внимания и уважения издания. Наша цель – заново перечитать работы писателя, в том числе и эту последнюю книгу, представленную на суд читателей XXI века, попытаться создать значительно более полный образ русского писателя Анатолия Ланщикова, так рельефно проявившийся на фоне нового времени. И потому сразу же позволим себе уточнение: не все люди тех ушедших лет XX века “мыслили масштабнее и точнее”. И “слово Ланщикова” вовсе не ограничивалось интересом к творчеству “Астафьева, Рубцова, Жигулина”; в сфере его интересов находились и Достоевский, и Гоголь, и Островский, и Герцен, и Добролюбов, и Огарёв, и Некрасов, и О. Меньшиков, и Солоневич. А также Василий Шукшин и Валентин Распутин, и Василий Белов, Юрий Бондарев и Владимир Крупин, Борис Можжевель и Станислав Куняев, и многие другие замечательные писатели.

Жизнь Анатолия Ланщикова как профессионального литератора сложилась счастливо. Не только потому, что он сам очень рано почувствовал в себе “горение живого огня”, как называл призвание к писательскому труду. Он последовательно и твёрдо шёл к тому, чтобы завоевать право сделать занятия литературой делом всей своей жизни. И сделал. Ленинградское суворовское училище, высшее военное училище, офицерская служба, трудная демобилизация, скромная работа учителем военного дела в общеобразовательной школе и, наконец, филологический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Удалось-таки преодолеть все препятствия, что неизбежно в то время вставали на его пути. Уже в Суворовском училище замечен был его высокий дар владения словом. В университете студент Ланщиков резко выделялся среди однокашников глубиной подхода к осмыслению острейших проблем действительности. Его университетские работы “по Чехову” были далеко не школярскими опусами: их публиковал в 60-е годы XX века авторитетнейший и высокопрофессиональный журнал “Театр”, оценили специалисты.

Выйдя из стен МГУ им. М. В. Ломоносова в самом начале 60-х, он сразу включился в круговорот литературной жизни. Это было поистине прекрасное время расцвета русской советской литературы. Читательская аудитория была необъятна и умна. Стадионы собирались на вечера поэзии. Литературный процесс, как полноводная русская река, бурлил и пенился в схватках литературных ристалищ. Газетные и журнальные площадки наполнились не только яркими именами поэтов, прозаиков и публицистов – это было время расцвета литературной критики, наследницы русской традиции, заложенной Белинским, Чернышевским, Добролюбовым, В. Боткиным, Дружининым, Погодиным, Краевским...

Это было время, когда интеллигентный человек – студент ли он, подчеркнём, технического вуза или художественной школы, “физик” или “лирик” – не мог считать себя таковым, если не был в курсе новинки литературных журналов. О! “толстые журналы” выходили огромными тиражами, публика боролась за место в очереди на подписку!

“Да, право, возможно ли такое?!” – с изумлением воскликнем сегодня мы, считающие тираж в 1 тысячу экземпляров огромным!

“Новый мир”, “Наш современник”, “Молодая гвардия”, “Юность”, “Дружба народов”, “Октябрь”, “Звезда”, “Знамя”, “Нева”, “Подъём”, “Урал”, “Кубань”, “Сибирские огни” и многие, многие другие (каждая из 15 республик СССР выпускала свои журналы) – и все имели своё лицо, своих критиков и публицистов, определяющих направление изданий. “Литературная газета” отдавала целые полосы идеологическим сражениям критиков разных направлений, сводя их на своих страницах в жёстких поединках по поводу новых явлений литературы, будь то военная проза, “вышедшая из шинели” Юрия Бондарева, или его романы “Берег”, “Выбор”, “Игра”, подборки стихов Евгения Евтушенко, Сергея Орлова, Юлии Друниной, Николая Старшинова или, к примеру, “Плаха” Чингиза Айтматова, “Белые одежды” Дудинцева, “Печальный детектив” Астафьева, или “Один день Ивана Денисовича” и “Матрёнин двор” Солженицына и “Привычное дело” и “Всё впереди” Василия Белова, “Живи и помни”, “Прощание с Матёрой” или “Пожар” Валентина Распутина, стихи

и проза Александра Яшина, публицистика Овечкина, Тендрякова, Ивана Васильева... Да разве всё перечислить?! Спорили ожесточённо, с одержимостью, что здесь, на страницах этих литературных изданий, решается судьба русской литературы или даже будущее страны. Вадим Кожинов, Ал. Михайлов, Пётр Палиевский, Л. Аннинский, Александр Дементьев, Михаил Лобанов, Владимир Лакшин, Игорь Виноградов, Анатолий Ланщиков, Виктор Чалмаев, Сергей Небольсин, Юрий Карякин, Станислав Куняев, Игорь Дедков, Анатолий Бочаров, Феликс Кузнецов, Олег Михайлов, Андрей Турков, Инна Ростовцева, Наталья Иванова, Алла Латынина, Татьяна Глушкова, Владимир Бондаренко... Литературная критика была мощной составляющей, иногда – ведущей силой литературного процесса. С годами эти литературные ристалища переселились в залы ЦДЛ, Дома учёных, бывало – в актовое зал Ленинской библиотеки, и всё равно мест для публики не хватало, и она стоя часами плечами подпирала стены и, *переполняя чашу*, выливалась даже на стадионы. И так проходили выездные заседания редколлегии литературных журналов с участием лучших писателей страны, читательские конференции, обсуждения новинок современной литературы в библиотеках и студенческих аудиториях, в школьных классах с обязательным участием авторов и литературных критиков! Ни одна страна мира не могла даже представить себе подобного! У нас же это было нормой общественной жизни. И каждый участник, выступал ли он со сцены или сидел в зале, чувствовал себя созидателем общества небывалого ещё будущего. Зачастую в среде оппонентов витийствовала разнузданность скороспелых суждений, выдаваемая, как правило, за смелость. Но и это было возможно, потому что каждый был (неважно, отдавал он себе в этом отчёт или нет) защищён крыльями могучей Державы.

Анатолий Ланчиков никогда не уклонялся от подобных сражений, хотя за участие в них ему порой приходилось довольно серьёзно расплачиваться: и отрешением от печатных изданий, и беспощадной травлей. Как и многие его товарищи, он воспринимал эти дебаты как бой за исконную Россию. Хорошо воспитанный интеллигентный человек, корректный, считавший скромность достоинством, он владел искусством риторики, обладал завидным чувством такта и деликатностью, в острейшие моменты споров был сдержан, не раздражался и не “зарывался” в пылу полемики, всегда точно формулируя свою мысль. В нём было развито высокое чувство гражданской ответственности за свою страну, и если он отстаивал что-то, то хорошо понимал, во что может вылиться его слово. Им руководило искреннее чувство патриотизма, идущее из глубинного причастия к русской судьбе. Прекрасный полемист, он никогда не позволял застигнуть себя врасплох, сбить с толку, потому что суждения его были выстраданы, выводы глубоко продуманы и обоснованы: он всегда опирался на факты родной истории и традицию отечественной мысли, без лишнего пафоса подчеркнём – на любовь к Отечеству. Высокое искусство полемиста А. П. Ланщикова верно отметил один из составителей книги “избранное” Сергей Куняев, написав в послесловии к ней о “полемисте искусном, открытом и беспощадном в уничтожении литературных фантомов. Полемисте, в споре с которым требовалось не придирается к отдельным фразам, а опровергать весь строй его суждения, для чего требовались аргументы, что волей-неволей сами по себе “раздевали” оппонента, сплошь и рядом обличая человека бездуховного, лишённого гражданской позиции или заурядного фальсификатора”.

Конец 60-х в творческой судьбе Анатолия Ланщикова стал временем, когда за ним прочно утвердилась репутация серьёзного литературного критика со своим определённым почерком и позицией. Основанием тому был ряд его работ, логически приведших автора к статье “Исповедальная проза” и её герой”, ставшей своеобразной точкой отсчёта, которая во многом обозначила суть и значение русской критической мысли в литературе второй половины XX века. В этой статье Ланчиков подверг скрупулёзному исследованию шумное явление середины 60-х годов, которое выделяло начинающих писателей, провозгласивших себя основателями нового направления в литературе, названного ими “исповедальная проза” – вот-де, кто мы, ни много ни мало – носители небывалых до нас идей и веяний! Лидерами этого направления заявили себя Анатолий Гладилин с его “Хроникой времён Виктора Подгурского” и “Историей одной компании”, Василий Аксёнов, выпустивший ряд задиристых произведений о молодёжи: “Коллеги”, “Звёздный билет”, роман “Пора, мой друг, пора!”... О, как носилась “Юность” с провозглашёнными ею талан-

тами! О, как старалась на этом поприще критика на журнальных страницах (“Юность”, 1966 № 11; 1967, № 3 и 5; “Новый мир”, № 5 за 1967; “Знамя”, № 2, 3, 7 и 8 за 1967) и даже в отдельных книгах.

Почему А. Ланщиков посчитал для себя принципиально важным вмешательство в этот процесс? Да, он не только вмешался в него, но и расставил “точки над ‘i’”. Вступив в полемику с одним особенно увлечённым апологетом “исповедальной прозы”, он пишет: “Критик полон решимости внушить нам мысль, что проза “молодых” за последнее десятилетие проделала путь от гладилинской “Хроники времён Виктора Подгурского”, трогавшей первозданной и чистой наивностью, к беспощадно трезвой и суровой повести “Привычное дело” В. Белова и перестала быть “молодой”. Представители её прошли за эти годы схожий путь, и лишь в той мере, в какой они прошли этот путь жизненной зрелости, они остались в литературе...”. Вот с этой-то мыслью никак не мог согласиться Анатолий Ланщиков! Не был этот “путь жизненной зрелости” схожим! И литература, которая вышла из-под пера названных выше литераторов, принципиально отличается одна от другой! Литература Василия Белова, Валентина Распутина, Виктора Лихоносова, Александра Вампилова, Виталия Маслова, Александра Романова, Николая Рубцова, родившаяся в суровом жизненном “котле” трудной народной судьбы (будь это прекрасный писательский плодородный “куст” Вологды или Иркутска, Сибири), стала безусловной и достойной продолжательницей традиции великой национальной классической русской литературы, другая же (кстати, очень живучая!), точно ядовитая лиана, вскормленная зернами аксёновых-гладилинских, намертво вцепилась корнями в благодатную русскую землю и до сих пор паразитирует на ней, чему ярким свидетельством явился бутафорский фейерверк на открытии Олимпийских игр в Сочи, когда авторы сценария исторической картины русской судьбы умудрились в многовековой истории России “не заметить” ни одного лица человека земли и труда (кроме отрубленных железных голов великой скульптуры Веры Мухиной!), зато выделили как явление национальной жизни наличие паразитов – стилиг. Недаром в своё время А. Ланщиков сделал точный и предельно категоричный вывод: “Только поняв общественную сущность и психологию героя “исповедальной прозы”, можно объяснить появление в нашей жизни различного рода молодых тунеядцев и других деклассированных элементов. И незачем нам лакировать героя, разъедаемого откровенным эгоцентризмом, и незачем это понятие затуманивать амортизирующими эпитетами. Ясно одно: “исповедальный герой” вовсе не “плоть от плоти нашего общества” и тем более не “квинтэссенция нравственных основ его”. Раскрой социальное инкогнито этого героя... и перед нами предстанет психологический тип, лишённый социальных связей с трудовыми классами, демонстрирующий нам то приступы острого нигилизма, то не менее острые приступы бездумной веры, оставаясь при этом совершенно невосприимчивым к гражданским и патриотическим чувствам своих современников”.

Для того чтобы читатель, наконец, уяснил себе в полной мере разящую несовместимость, повторим ведущую мысль А. Ланщикова, подчёркнутой им в статье “Исповедальная проза” и её герой”: “Всякое новое поколение формирует своё общественное сознание под влиянием каких-то значительных исторических событий и уже утвердившихся идей... Влияние минувшей войны на судьбы того или другого поколения как раз и есть тот признак, который позволяет нам иметь вполне обоснованную периодизацию поколений и всего литературного процесса...” Обратив внимание читателя на то, что “исповедальная проза” всякий разговор о преемственности и традициях считала нелепостью”, Ланщиков подчёркивает: “в стремлении “исповедального героя” приписать себе особые заслуги сквозит откровенная тенденция к элитарности, возникающая из острого и, увы, необоснованного ощущения собственной исключительности”. Вот именно, и эта позиция по-прежнему прослеживается и в последнем мемуарном романе Василия Аксёнова “Таинственная страсть”, главы из которого в 2007 году публиковал гламурный (характерный знак нашего времени!) журнал “Караван истории”. Мера цинизма, пошлости, нравственной нечистоплотности и эгоцентризма явленных Аксёновым героев снова убеждает нас, что он нисколько не приблизился за прожитую им в скитаниях по миру в поисках художественного идеала целую жизнь к этому самому идеалу, напротив, ещё более глубоко опустился в подвалы развращённого подсознания своей далеко не совершенной личности. Он использовал известный

литературный приём (вспомним хотя бы “Алмазный мой венец” В. Катаева), набросав портреты расплывчатых и, что характерно для героев Аксёнова, малосимпатичных персонажей, призванных, однако, убеждать читателя в том, что перед ним проходят легендарные образы шестидесятников – Р. Рождественского, Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Б. Ахмадулиной, Б. Окуджавы, В. Высоцкого, А. Тарковского... Обидно за них.

Так вот: статья “Исповедальная проза” и её герой” Анатолия Ланщикова актуально звучит и сегодня, и откликается, как видим, даже на центральное эпохальное событие начала XXI века. Но тогда встаёт ещё один вопрос: откуда в середине бурных шестидесятых сложного XX века начинающий литературный критик черпал то видение будущего и ту прозорливость, которые дали ему столь определённый настрой в отношении к будущему России и отечественной литературы? Ответ, на первый взгляд, может показаться неожиданным, ибо он заключён в эпиграфе, который писатель предпослал своей книге “Н. Г. Чернышевский”. Глубоко аналитический труд этот вышел в серии “Любителям российской словесности” издательства “Современник” в 1982 году и был особенно дорог писателю. Вот она, сакраментальная надпись: “Мои однокашники по Ленинградскому суворовскому военному училищу посвящаю”. А дальше, в первой главе “Истоки” встречаем такие авторские строки: “Ранние годы всякого выдающегося деятеля интересны тем, что именно в этот период жизни складываются первоначальные воззрения и характер, обозначается направление нравственных исканий”. И вдруг мысль набрела на интересное сопоставление: А. С. Пушкин родился в 1799 году и начало войны 1812 года встретил юным лицеистом. Тот патриотический подъём, то состояние души, которые он переживал, вместе с товарищами-лицеистами проводящая полки, уходящие через Царское Село на войну, сформировали и его личность, и всю его последующую судьбу в литературе и в жизни. А вот и другая жизнь и судьба, уже советского литератора и тоже русского писателя, родившегося 6 марта 1929 года и, как и Пушкин, встретившего начало своей Отечественной войны в такие же годы отрочества.

Первое суворовское училище в СССР открылось в 1943 году, в 1946-м оно было переведено в Ленинград, город беспримерного мужества, едва оправившийся от чудовищной блокады, не позволивший сломить ни народной стойкости, ни воли к жизни и победе. Какие чувства испытывали молодые суворовцы, ступив на священную землю этого легендарного города, как любили они свою исстрадавшуюся землю-кормилицу, как дорожили своей Отчиной сегодня, в юбилейный год снятия блокады, говорить не надо – об этом сказала каждая строка пропитанных русским патриотизмом книг, писем из блокадного Ленинграда, кривых дрожащих строчек дневников погибающих непокорёнными соотечественников. Все книги Анатолия Ланщикова, в которых львиная доля страниц посвящена творчеству писателей-фронтовиков, и весь его творческий путь – всё – об этом: здесь сформировался нравственный кодекс и гражданская позиция русского писателя с душой вдохновенного патриота и романтика, с умом провидца и скрупулёзного исследователя жизни своей Родины, протекающей, по его разумению, в тесной связи с национальной историей и наполненной уникальным духовным опытом. Одну из статей 1970 года писатель открывает мыслью, заимствованной им из переписки В. Соловьёва и А. Фета: “Настоящая мудрость состоит в том, чтобы, признавая права разума в теории, как можно меньше доверять ему на практике”. Эта мысль вполне соответствует природе таланта Анатолия Ланщикова, она приподнимает завесу над глубинами внутренней жизни писателя – над очагом вдохновенного живого огня его души. Этот огонь разгорался тогда, когда приходилось “вставать из окопа” во весь рост, и перо его становилось стальным, жёстким, суровым, бескомпромиссным. К примеру, когда писались такие принципиально важные для него статьи, как “Капитан” (первоначальное название “Мы все глядим в Наполеоны...”) или “Ледокол” идёт на таран”. Думается, именно поэтому имя Анатолия Ланщикова, наряду с именами Михаила Лобанова, Вадима Кожинова, Олега Михайлова, назвал будущий идеолог “перестройки” А. Н. Яковлев в 1972 году в статье, опубликованной “Литературной газетой”, когда всерьёз озаботился наличием активного противостояния его курсу разрушителя великой Державы.

В чём увидел опасность главный партийный идеолог? – В народной воле, её энергии и крепости. В статье, названной им “Против антиисторизма”,

Яковлев сетовал: "...на смену трезвому хозяйственнику пришёл деревенский мечтатель, лукавый мужичонка, балагур, чудацк, мудрец, древний деревенский дед, хранитель столетних традиций...". Прикрываясь именем Ленина, он утверждал: "...мы в вечную нравственность не верим, кто не понимает двойственной природы крестьянства... тот ведёт спор с диалектикой ленинского взгляда на крестьянство". А далее, по-школярски вырвав цитату из серьёзной обстоятельной работы, бичует, как ему кажется, оппонента его же словами: "Мы очень охотно ругаем нынче патриархальность, и слово это в нашей практике приобрело заведомо бранный характер, — сетует в статье "Земля и прогресс" А. Ланщиков (альманах "Кубань", № 10, 1971). — ...Говоря о патриархальном укладе, мы сплошь и рядом забываем, что в нём воплотились многовековые деяния, нравственный и духовный опыт трудового класса, что именно этот, а не какой-либо другой уклад обеспечил этому классу жизнестойкость в самых трудных исторических ситуациях...". Доктор исторических наук А. Н. Яковлев, с завидной самоуверенностью замахнувшись на "ретрограда", советует, угрожая оппоненту: не зарывайся, одёрнем! Но куда завёл великую и мощную державу этот "прогрессивный" яковлевский курс? РЕЗУЛЬТАТ НАЛИЦО: мы каждый день видим его сегодня, с тоской взирая на заброшенные поля необъятной нашей Родины, опустевшие и одна за другой уходящие в небытие русские деревни, разорванную, обещенную, распроданную и морально раздавленную (продажей земли в том числе) многострадальную нашу Отчизну. А П. Ланщиков "крестьянский вопрос" в России изучил досконально. В своих изысканиях он, в первую очередь, опирался на такие авторитеты в этом вопросе, как Н. Г. Чернышевский, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, которые были одержимы высокой гражданской ответственностью и готовились, будучи современниками отмены крепостного права в России (1861), к кардинальному изменению самого уклада национальной жизни. Вот мысли, которые легли в основание самостоятельно созданной А. Ланщиковым концепции, применимой и к нашему времени в вопросе о земле в России; с ней он неоднократно выступал в печати, в частности, в "Советской России" во времена подготовки нынешних законов о земле. "Важность распространения здоровых понятий о вопросе касательно необходимости для национального благосостояния сохранить господствующее у нас общинное пользование землёю чрезвычайно велика", — утверждал Чернышевский. "Я, например, — писал Ф. М. Достоевский в "Дневнике писателя" за 1881 год, — верю, как в экономическую аксиому, что не железнодорожники, не промышленники, не миллионеры, не банки, не жиды обладают землёю, а прежде всех лишь одни земледельцы; что кто обрабатывает землю, тот и ведёт всё за собой, и что земледельцы и суть государство, ядро его, сердцевина".

В те сумбурные 90-е годы Ланщикову не удалось развернуть широкой всенародной дискуссии по вопросу о земле, хотя он очень хотел этого, — всё произошло так, как произошло. Но вопрос о земле в России до сих пор не решён окончательно, нуждается в пересмотре и изучении, и здесь А. П. Ланщиков может вновь стать нам необходимым собеседником. Удивительная картина откроется нам, едва откроем книгу "Н. Г. Чернышевский": "Каждый земледелец должен быть землевладельцем, а не батраком, должен сам на себя, а не на арендатора или помещика работать", — цитирует он письмо Чернышевского и тут же продолжает цитатой из другого письма: "Как скоро допустим, что при эмансипации земля даётся в полную собственность не общине, а отдельным семействам с правом продажи, они продадут свои участки, и большинство сделается бобылями. Освобождение будет, когда, я не знаю, но будет; мне хотелось бы, чтобы оно не влекло за собою превращения большинство крестьян в безземельных бобылей! К этому я хотел бы приготовить мысль обранных людей, давно приговоренных к эмансипации".

Как мыслящая Россия второй половины XIX века совершала важнейшие государственные реформы, не подготовившись к ним по большому счёту, так и мы уже в конце XX века на авось совершали ответственные преобразования государственной жизни своей страны, позволив даже продажу земли, но не подготовив общество к сложнейшим переменам. Тем самым вергли народ в пучину страданий. Читая замечательные работы Ланщикова высокого нравственного накала — "Деревня и "деревенская проза", "Автобиография поколения", "Исповедь Василия Шукшина", "Поэт и природа. Памяти Николая

Рубцова”, “Уроки гнева и любви”, – мы видим, что понятие “НАРОД” для литературного критика – исследователя глубинных процессов развития современной русской литературы – понятие важнейшее, корневое, необходимое для понимания сути сегодняшней жизни. С огромной любовью Ланщиков пишет о мужике, по его убеждению, не только носителя лучших черт народа, но и собирательной личности, проявляющей себя наиболее ярко и выпукло в трагические моменты истории – вот когда встаёт во весь рост национальный характер!

Конечно, во всём, что написано Анатолием Ланщиковым, живёт его душа. Как любовно рисовал он портрет Н. Г. Чернышевского, посвятившего свою жизнь созданию образов лучших людей России! Чего же требовал Чернышевский от лучших людей своего времени и, в первую очередь, от себя? Вот как он писал об этом: “Без приобретения привычки к самобытному участию в гражданских делах, без приобретения чувств гражданина ребёнок мужского пола, вырастая, делается существом мужского пола средних, а потом пожилых лет, но мужчиной он не становится или, по крайней мере, не становится мужчиной благородного характера. Лучше не развиваться человеку, нежели развиваться без влияния мысли об общественных делах, без влияния чувств, пробуждаемых участием в них”.

Эти требования предъявлял Анатолий Ланщиков и к себе. Он был мужчиной благородного характера и считал свою литературную работу служением. Да, в нём всегда присутствовал идеал, он был человеком, с молодых лет почувствовавшим, что “назначение ему в жизни высокое”. И поэтому с такой одержимостью вглядывался он в жизнь и характеры поразивших его духовным богатством людей, избрав для себя одним из наивысших авторитетов Льва Николаевича Толстого. Что для него Толстой? “Толстой в высшей мере обладал “разумным сознанием”, – писал он, – и потому до последней минуты своей жизни страдал от несовершенства мира, испытывал личную боль за каждого человека и за всё человечество, поэтому он положил всю свою жизнь на поиски истины, которая всем бы осветила закон человеческого общежития”.

Какое высокое чувство уважения к самому себе пробуждается в читателе, когда он углубляется в страницы книг Анатолия Ланщикова о любви! Мало кому из наших современников сегодня придёт в голову разбираться в перипетиях любовных борений Л. Н. Толстого и С. А. Толстой или Н. Г. Чернышевского и его жены Ольги Сократовны. Ланщикова влекла та высота отношений, которая связывала этих людей, то, как проявляли себя личности, ощутив вдохновенное восхищение божественным созданием природы, которое им открывалось в любви. Мужское любование духовными открытиями в образах прекрасных кудесниц, которое мы обнаруживаем в работах А. Ланщикова, говорит о том, какое богатство из сохранных человечеством сокровищ сумел показать нам современный писатель, когда пошлость, цинизм, моральная нечистоплотность уничтожают, казалось бы, всё трепещущее и живое. Вот вы открываете суровую книгу о человеке, которому выпала и каторга, и Алексеевский равелин, и боль унижений и жестоких страданий, но углубившись в главу “Чернышевский, Лев Толстой и “женский вопрос”, вы обретаете счастье романтических головокружений, трепещущий жар любви и страданий... Именно эти страницы, где речь идёт о могучем художнике, прямота характера и независимость суждений которого поражали мир, дают вам это отдохновение, эту высоту и радость ощущения жизни. Толстой жил вне готовых схем, и литература давно не была частью его жизни, но самой жизнью. Вот почему его книги и стали необходимы нам. И рассказав нам об этом, литературный критик вновь одарил нас счастьем познания и богатством художественных открытий.

У стойки библиотечной кафедры протягиваю девушке прочитанную книгу – “Избранное” Анатолия Ланщикова.

– Правда, очень хорошая книга?

Я соглашаюсь.

– Как жаль, что уходят такие писатели... А почему в этом издании нет фотографии?

Да, нет. И очень жаль. Красивым человеком был Анатолий Петрович Ланщиков. Стройный, подтянутый, всегда безукоризненно одетый, с прекрасным лицом римского патриция, огромными умными проницательными глазами и густой седой шевелюрой... Он много курил. И почти всегда был серьёзен и сдержан. Но вдруг улыбка озаряла лицо, и оно светилось лучами проникающего повсюду тёплого солнышка.

Москва, 17 февраля 2014 года.